

АЛЕКСЕЙ
ЧЕРКАСОВ
ПОЛИНА
МОСКВИТИНА

Конь рыжий
Том 2

МОСКВА

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

АЛЕКСЕЙ
ЧЕРКАСОВ
ПОЛИНА
МОСКВИТИНА

Конь рыжий
Том 2

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Черкасов, Алексей Тимофеевич.

Ч-48 Конь рыжий. Том 2 / Алексей Черкасов, Полина Москвитина. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-202141-1

Историческая трилогия красноярского писателя Алексея Черкасова и Полины Москвитиной «Сказания о людях тайги» повествует о судьбах жителей Сибирского края.

Второй роман «Конь рыжий» повествует о судьбе казачьего хорунжего Ноя Лебеда, участника Гражданской войны в Красноярске и Енисейской губернии, а также о жизненных перипетиях героев первой части «Сказаний о людях тайги».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202141-1

© Черкасов А.Т., Москвитина П.Д.,
наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

СКАЗАНИЕ ВТОРОЕ

*Все минется —
одна правда останется!*

МЕРОЮ ЖИЗНИ

ЗАВЯЗЬ ПЕРВАЯ

I

Когда русские казаки, пробираясь в глубь Сибири, вышли к Енисею и остановились на горе, откуда вширь и вдаль просматривался пологий берег синеющей внизу великой реки, а справа, обнимая низменность полукружьем, тупыми лбами упирались в реку лохматые горы, атаман сказал: «Сколько прошли Сибирью, этакой красоты не видывали. Под горою у реки станок будем рубить, на горе сей воздвигнем караульную часовню, штоб дозору бысть и дьяк мог бы молебствия проводить христианские. Отныне се земля русская, вольная!»

Застучали топоры, падали наземь вековые сосны и пихты. Выстроили сперва бревенчатую часовню в три яруса с дозорными окнами для караула на все четыре стороны света, поставили немало домов, обнесли станок крепостной стеною из вбитых в землю бревен, заостренных сверху.

Помаленьку строились, обживались...

Года через три припожаловал воевода, похвалил атамана за выбор доброго места, спросил:

— Как сей станок прозывается?

— Красный Яр, — ответил атаман.

Огляделся воевода окрест: по крутому яру выступали красные камни, и сама земля была будто окроплена кровью.

— Бысть по сему! — сказал воевода. — Отныне пусть сей станок Красным Яром прозывается, а гора Каральной. Отслужи, дяк, службу да освяти место, чтоб веки бысть ему здраву.

И стало так.

Не ведал знатный воевода, что нарек казачий станок мятежным именем.

С того и пошло: жили казаки вольно, не зная притеснений боярских, изведанных на Руси. Вдоволь добывали пушного зверя, за Урал-Камень с торгом ездили. Разрастался Красный Яр домами русских поселенцев, распахивались земли, сеяли рожь, ячмень и просо, собственное пиво варили — по усам текло и в рот попадало. А потом и город вырос — Красноярск.

Первый бунт в Красноярске вспыхнул против власти нового воеводы, жадного на сибирское пушное богатство, не в малой мере притеснявшего жителей Красноярска. Зарубили того воеводу, разогнали его охранную дружину, чем и ввели во гнев государя всея Руси. Карать, карать вольнолюбцев, чтоб были тише воды и ниже травы. Да вот вода-то в самом Енисее не тихая, а бурная. То и дух вольного Красноярска — неукротим, неистребим оказался.

Не малым числом осело на вечное жительство в Красноярске за время царское ссыльных и отбывших каторгу, а после завершения строительства железной дороги — пришлого рабочего люда. И не потому ли в 1905 году в Красноярске восстали рабочие, провозгласив Советы? Кровью умылся город на Енисее; на

стенах депо и железнодорожных мастерских надолго остались выщербины от винтовочных пуль. Многие погибли в боях, еще больше угнано в ссылку и на торгу. Но нельзя было убить дух города — вольный, размашистый, под стать самой Сибири!

Недаром вслед за Петроградом в Красноярске утвердилась власть Советов. Не минуло года, не успели Советы укрепиться, как поднял восстание мятежный чехословацкий корпус, растянувший свои вооруженные эшелоны от Самары до Владивостока.

Белочехи захватили Челябинск, Омск, Петропавловск, Семипалатинск, Акмолинск, Новониколаевск, Томск, а с востока — Нижнеудинск и Канск.

Красноярск оказался в клещах.

Город превратился в военный лагерь, ошетинился штыками. Улицы патрулировались красногвардейцами и интернационалистами из бывших военнопленных. Губернские и городские партийные и советские учреждения были закрыты — все ушли на фронт. Не хватало оружия, боеприпасов, обмундирования. В мастерских, депо и на паровозовагоноремонтном заводе набивались патроны, изготовлялись снаряды и гранаты, ремонтировались винтовки, берданки и даже дробовики дедов и прадедов.

Эшелон за эшелоном отправлялись отряды рабочих-добровольцев и красногвардейцев на восточный — Клюквенский и западный — Мариинский фронты.

Красноярск сражался...

Отряды, батальоны, рабочие дружины красногвардейцев, сдерживая натиск превосходно вооруженных белочехов и белогвардейцев, отступали, взрывая железнодорожные мосты, густо поливая землю кровью.

Минула неделя — Красноярск сражался...

Вторая — бои, бои!..

В конце третьей недели началась эвакуация оставшихся в городе советских работников, отрядов красногвардейцев и интернационалистов на север — другого исхода не было. Из Москвы было получено сообщение, что из Мурманска в устье Енисея в беспримерно трудный рейс морями Ледовитого океана вышел ледокол «Вайгач». Ледокол затонул в Енисейском заливе, напорвшись на подводную скалу. Но об этом узнали много позднее...

Восемнадцатого июня у пристани дымили под парами «Орел», «Иртыш» и маленькая «Стрела». Из Минусинска поджидали еще два парохода — «Тобол» и «Россию».

Это был последний день эвакуации...

Надрывались гудки заводов, паровозов, лесопилок. А тем временем воинствующие эсеры и меньшевики очумело носились по городу, возбуждая население: «Красные бегут! Большевики грабанули банк! Караул, держите! Омский совдеп, отступая по Иртышу, захватил триста миллионов, Томский — сорок, а Красноярский, господи помилуй, все золото и бумажки выгреб подчистую».

Заговором в губернии руководила группа эсеров-полковников, утвержденных подпольной Сибоблдумой в Новониколаевске правителями Енисейской губернии и арестованных Красноярским ЧК на тайном совещании в середине марта.

Заклученные контрреволюционеры успели вступить в тайную связь со старшим надзирателем третьего корпуса Поповым, через которого получали информацию с воли.

Утром 18 июня полковник Ляпунов, назначенный управляющим Енисейской губернией, получил от Попова буханку хлеба, а в ней — подробнейший доклад об эвакуации красных: какие пароходы ушли, кто на пароходах, фамилии капитанов, комендантов, лоцманов, ме-

хаников. Сообщение полковника Дальчевского с восточного фронта и эсера Фейфера с Мариинского — победа над красными не за горами! Мужайтесь, господа! Тайное эсеровское бюро взяло на учет по губернии столько-то младших и старших офицеров; имеются казачьи взводы, готовые немедленно выступить на разгром Советов.

А город?! В чьих руках город?!

— Красные в городе, господин полковник, — ответил старший надзиратель. — Но они уйдут сегодня.

— Уйдут? И вы думаете, они не устроят кровавого побоища в тюрьме? Господа! — обратился полковник к офицерам. — Для нас этот день может стать последним. Но прошу вас, никакой паники. Господин Попов, пришлите парикмахера! — И когда ушел из камеры старший надзиратель, Ляпунов вытер платком вспотевшее лицо, трагически закончил: — Большевики устроят сегодня Варфоломеевскую ночь в тюрьме! Маски сброшены, господа. Всем побриться и привести в порядок одежду, чтобы предстать перед ними в должном виде! Мы умрем стоя, господа!

Господ офицеров будто прохватило крещенским морозом. У будущего губернского комиссара подполковника Каргаполова перекошилось лицо и ноги заметно дрожали. Погибнуть за Россию? На кой черт ему Россия со всеми ее потрохами?!

К обеду все побрились, почистились...

С минуты на минуту ждали, когда же ворвутся в камеру бандиты-большевики.

Штабс-капитан князь Хвостов, друг кавалера ордена Почетного легиона Кириллы Иннокентьевича Ухоздвигова — личности весьма темной, попытался было рассказать анекдот. Но его перебил Розанов, командир третьего Енисейского казачьего полка:

— Оставьте, князь! Не до шуток!

Прокурор Лаппо, адвокат Троицкий, доктор Прутов, назначенный Сибоблдумой министром внутренних дел губернии, и подполковник Коротковский, начальник управления МВД, потерянно помалкивали.

II

Разгуливалось ведро — ни облачка, ни тучки. День обещал быть жарким.

До подхода к городу Ной ободрал убитого Савраску, тушу разрубил и завернул мясо в шкуру — не пропадать же добру! Покончив с Савраской, перетащил багаж на палубу к трапу, чтоб покинуть пароход без промедления.

По левому берегу от господских дач горбатились обрывистые горы, и над ними выписывали круги коршуны, охотясь за малыми пичужками.

Ной разговаривал с Яснымым, расспрашивая про конную дорогу на Минусинск.

— Да вот левым берегом, слышал, есть дорога. До пристани Езагаш. А там и до Даурска доберетесь. А у кого вы остановитесь в городе? Можете заехать к нам. Найти наш дом просто. Через линию у депо и в гору по Николаевке — по Большой улице. Сорок седьмой дом.

— Благодарствую, Павел Лаврентьевич.

Впереди показался железнодорожный мост.

Сразу за мостом распахнулся город, деревянный, приземистый, одноэтажный по Набережной, разрумяненный солнцем; зеленым парусом всплыл навстречу островок с тополями, гривы которых причесаны были ветрами в сторону течения реки, пароход подал длинный гудок, отваливая к правому берегу и медленно разворачиваясь. Черный дым из двух труб выстилался над взбуренной водою; дымил «Тобол», недавно причаливший к борту однотрубного «Сибиряка», а по берегу

и на дебаркадере сутились провожающие и отъезжающие люди.

Матросы поднесли к борту багаж священнослужителей — плетеные корзины, саквояжи, чемоданы, свертки, — и владыко с золотым, сияющим крестом на груди сошел вниз с двумя иеромонахами и протоиереем, а за ними в нарядной одежде и роскошной шляпке с пером — буржуйка Евгения Сергеевна Юскова с монашкой и Дуней. Ной поглядывал на них со стороны; толпились красногвардейцы, товарищи интернационалисты, приехавшие из Минусинска, разговоры об одном и том же: об отступлении на север, о белочехах и белогвардейцах, о трудном и неизбежном.

Подваливая к берегу и все медленнее ворочая воду колесами, пароход еще два раза прогудел и, стукнувшись о дебаркадер, притираясь, остановился. Матросы выкинули широкий трап. Яснов с красногвардейцами стали по обе его стороны, и пассажиры пошли на берег. Первым сошел владыко. Мимо него проскочил на пароход Иван, а следом за ним — Селестина. Дуня в этот момент, так и не осмелившись попрощаться с Ноем при коменданте и красногвардейцах, шла под руку с Евгенией Сергеевной. Селестина столкнулась с ней на трапе, и Ной видел, как она задержалась, будто ошпаренная, и быстро подошла к Ною, уперлась в него взглядом. Ной поприветствовал Селестину Ивановну, и она сразу сообщила: белые сегодня займут город. Через три-четыре часа все пароходы уйдут. На Клюквенском фронте командует белогвардейцами полковник Дальчевский, а на западном — Мариинском — с чехословаками капитана Гайды генерал Новокрешинов.

— Такие вот тяжелые обстоятельства, Ной Васильевич! Что скажете?

Ной ничего не сказал — «соображенье складывал»...

— На «России» поплывете? Я вас записала на этот пароход.

А Ной стоял у приготовленного к выгрузке багажа; Яснов напряженно прислушивался к их разговору, да и брат Иван пожирал Ноя глазами. И Ной твердо ответил, как того не ждала Селестина:

— На север не поплыву, Селестина Ивановна. О том и разговора не было в Минусинске. Не для меня то.

— Как не для вас?

— Чтоб плыть на пароходе, следственно. Не для меня то! — в том же тоне повторил Ной, выдержав упорный взгляд Селестины. — Коня только убили при обстреле парохода. Ну да сыщу коня. А там — как Бог даст.

— Не-е по-нимаю! — У Селестины враз зарделось лицо, будто обожгло огнем. — Для вас небезопасно оставаться в городе при белых. За Гатчину и Петроград Дальчевский и Новокрешинов не помилуют.

— В милостях не нуждаюсь, — отверг Ной. Не для него то, и баста. Ему не пароход нужен, а конь, добрый конь!

— Далеко ли уедете на коне?

— Дорога сама покажет.

— Мы вас не принуждаем плыть с нами на север, Ной Васильевич. Это ваше личное дело.

— Само собой, — коротко обрезал Ной, давая понять, что разговор исчерпан.

Селестина поникла; лицо ее стало жестким, и она подала руку Ною, тихо и отчужденно промолвив:

— В таком случае, прощайте, Ной Васильевич. Наверяд ли встретимся. Если вы здесь погибнете, мне будет жаль. Очень. А если... — тряхнув руку Ноя, не договорив, повернулась и быстро ушла с парохода.

Все это время молчавший Иван зло поглядывал на старшего брата, будто в чем обвинял его. Ной ничего ему не сказал, спросив, здесь ли хозяин.

— Здесь, на пристани. Вместе с сыном. Груз подвозили на ломовых телегах. Пожалуйста, заезжай. На двух этажах дома они одни остались: Ковригин со старухой и сын его с женой. Я их сейчас позову.

Иван привел отца и сына Ковригиных. Сам Ковригин, Дмитрий Власович, пожилой человек в ямщицкой поддевке и в войлочной шляпе, рад гостю — «милости просим», он много хорошего слышал о Ное Васильевиче от дочери-учительницы, Анны Дмитриевны, и назвал сына:

— Василий, из фронтовиков. Контужен был и вышел по белому билету вчистую, еще до первого переворота.

Василий — сильный мужчина с рыжими усиками, широкоскулый, в сатиновой рубаше и плисовых шароварах, вправленных в сапоги, крепко пожал руку Ноя и взял на плечо мешок с мукой, да еще лагунок с маслом прихватил, а Ной за ним понес завернутую в шинель пилу с привязанным к ней оружием и куль с вещами. Телеги стояли поодаль возле крутого яра у взвоза на Набережную. Вскоре перетащили весь груз, в том числе и конину, закрыв ее на телеге сырой шкурой и брезентом от мух. Ковригин велел сыну ехать домой, а сам остался до отхода «России»: обе дочери, Прасковья и Анна, уплывали на этом пароходе.

— Не пойму, что им бежать из города? — сокрушался Ковригин и, сняв шляпу, вытер платком лысую голову с остатком рыжих волос у висков. — Ну, Прасковья в партии ишло с четырнадцатого года. В пятнадцатом посадили, и вышла в марте прошлого года. Фельдшерницей работала при лазарете. Анна после гимназии уехала учительствовать в Минусинск, а вернулась. «Теперь, — говорит, — и я в партии, как Паша». Со старшим сыном были на Клюквенском фронте, там

и погиб наш Александр Дмитрич! А мы, выходит, с Василием осиротели в большом доме.

«Вот так надежная фатера!» — подмыло Ноя.

Иван уходил на пароходе — через час отплывают.

— Держись команды, Иван, — напутствовал Ной. — Не выпирай наружу большевицтво, потому как ты мало еще соли с боков спустил. Бог даст, свидимся.

— Через месяц мы будем в Мурманске! — задиристо ответил Иван и быстро пошел к пароходу.

Василий взялся за вожжи:

— Со мной поедете, Ной Васильевич?

— На пристани побуду до отхода «Тобола». А как найти ваш дом, если разминемся? — Ковригин сказал адрес и как найти: за Юдинским мостом, на берегу Качи — двухэтажный.

— Ладно. Сыщу. Да, вот что, Василий Дмитриевич, — Ной подошел к телеге, — тут в шинели сверток — в дом занесите. Оружие мое.

— Понимаю! Все будет хорошо. А конину мы продадим татарам на Каче сегодня же. И коня вам купим. Не сомневайтесь!

Ной прошелся берегом по гальке среди отъезжающих и провожающих. И столько-то кругом горячих слез льется, что у Ноя сердце защемило. То старики плачут, прощаясь с сыновьями, то молодые люди обнимаются со своими женами, остающимися в городе. Со всех сторон вспыхивают разговоры:

— Побереги себя на пароходе-то! На севере-то холода. Снег, говорят, не сошел.

— Ладно, мама. Не замерзну!

Или вот еще вяжется узел:

— Другого выхода у нас нету, отец, понимаешь? Только на север. Куда еще? Ах, да! Мало ли чего не говорят обыватели! Вон они собрались на берегу —

чиновники и мещане! Золото и миллионы оплакивают!

Поодаль, напротив «Сибиряка», у трапа увидел Селестину с Тимофеем Боровиковым — не пошел дальше, ни к чему глаза мозолить, остался — значит, возврата назад нету, и обсуждать нечего. Надо было что-то хорошее, доброе сказать в напутствие Селестине Ивановне, да из души не выплеснулось. Рядом громко разговаривал высокий господин в соломенной шляпе с черноволосой женщиной, а возле них — чемоданы, постельный сверток, мешок.

— Оставь, Юзеф, прошу тебя! — умоляет женщина.

— О, matka боска! Что ты делаешь, Евгения!

— Я вижу, ты надеешься, что белые в город придут с милосердием, а не с плетями и казнями!.. О, Юзеф!.. Сколько погибло наших товарищей за станцией Мганск, когда белые пустили эшелон под откос и налетели казаки! Казаки!

Ной, сопя, пошел прочь. Казаки! Вот оно как — опять казаки как смертный страх для всех живых!..

— Хоть бы пушку взяли! На всю флотилию один пулемет, — пробасил какой-то красногвардеец с винтовкою.

— И тот еще на берегу, — ответил второй.

— Поляков встретил, венгров — интернационалисты... И они плывут на пароходах?

— Но-ой Ва-асильевич!

Оглянулся и сразу узнал: Анна Дмитриевна, в жакеточке, простоволосая, с копною белокурых волос, уложенных на затылке, лицо загорелое, пухлогубое, с маленьким прямым носом, а с нею девица крупнее, и рыжая коса по груди. Подошли, и Анна Дмитриевна подала руку.

— Здравствуйте, Но-ой Ва-асильевич, — певуче проговорила она. — Вот теперь верю. Ваня только что ска-

зал, что вы приехали. Так неожиданно, честное слово. Познакомьтесь, моя сестра, Прасковья Дмитриевна.

— Вот вы какой! — пожала руку Ноя Прасковья Дмитриевна. — Так вы у нас остановитесь? Вот хорошо-то. А то у нас дом совсем опустел.

— Ну, я на сутки разве.

— На сутки? — вскинула вверх темные брови Прасковья Дмитриевна, а взгляд упругий, дерзкий — синесиний, как у младшей сестры. Но до чего рыжая кошица! Загляденье. А веснушек-то, веснушек!.. Да еще корявая: на лице и сильной шее ямочки оспинок. — И далеко потом? — спросила и, не ожидая ответа: — Сейчас не говорят «куда», чтобы дорогу не «закудыкивать». Смешно, правда? Мы с Анечкой тоже собрались далеко — до самого Ледовитого океана, а там морями, морями в Мурманск! Это очень далеко, правда?

— Па-аша! Смотри! — вскрикнула Анечка. — Григорий Авдеевич Миханошин! Рука у него перевязана, видишь?

— Где он?! Где?!

— Вон с Вейнбаумом идет, гляди! У него же в отряде был Казимир Францевич!..

Старшая сестра бегом кинулась к какому-то Григорию Авдеевичу. Младшая сказала Нюю, что Миханошин на Клюквенском фронте командовал отрядом подрывников.

— Если бы не отряд Григория Авдеевича, белые, наверное, уже были бы в городе! Красноармейцы подорвали много стрелок на станциях и разъездах, водокачку и несколько мостов, — говорила Анечка. — Но вчера нам сказали, что отряд окружили белочехи и едва ли кто в живых остался. Паша прямо с ума сходила. Ведь в этом отряде находился и Казимир Францевич Машевский. Живой ли он?! Это такой замечательный

человек, если бы вы знали, Ной Васильевич. Только ужасно скромный, ужасно! Он ведь простой портной. Но настоящий революционер! Сперва он отбыл ссылку в Тулуне, а потом поселился у нас. Паша его безумно любит! Да и все мы его безумно любим. Честно говоря, если бы не Казимир Францевич, я бы совсем, совсем запуталась в жизни... Теперь-то эсеры и меньшевики сбросили маску. Мне ясно, что они предатели, им нужно задушить во что бы то ни стало дело рабочих и крестьян — революцию! Но понять это мне помог только Казимир Францевич... Когда все было у нас хорошо, он тихонько работал в типографии. Но, когда на город обрушилась беда, многие растерялись и пали духом. А он день и ночь пропадал в штабе добровольной дружины. Организовал отправку молодежи на фронт и сам первый записался добровольцем. Мы с Пашей тоже пошли в сестры милосердия. Вернулись вот с Клюквенского, а о нем ничего не знаем... Паша. Бежит! Боже, да на ней лица нет! Неужели убили?!

Прасковья Дмитриевна подбежала, запыхавшись, обняла сестру:

— Он жив, Анечка! Жив! Жив! Они прорвались на дрезине с Миханошиным и еще двумя красноармейцами. Миханошин ранен в плечо...

Ною стало неудобно слушать разговор сестер, и он молча отошел от них.

— Успокойся. А то люди смотрят, — сказала Анечка.

— Я не могу собраться с духом... Понимаешь, все меняется!

— Что меняется? Да говори ты яснее!

— Он не едет с нами. Понимаешь?.. Я сама ничего толком не могла разобрать. Или это он сам решил, или ему приказали остаться. Нет, скорее сам! Может, он просто не хотел мне ничего говорить? Но там были

только свои... В общем, если он не едет, я тоже остаюсь!

— А я?! — встрепенулась Анечка.

— Ты поплывешь с товарищами. Иначе и быть не может. Не сердись, пожалуйста. Тебе нельзя оставаться. Я не знаю, что нас тут ждет.

— Так я тебя и послушала!..

III

Толкаются чиновники, обыватели, банковские служащие. Никто никого не слушает — каждый молотит свое.

— Разграбят денежки! Это уж точно!..

— Между собой поделят товарищи!..

— Сейчас бы вот наши пришли, да с пулеметами и хотя бы с одной пушкой!..

— Осторожнее, мужик!

— Прет как паровоз!

— А вы што тут глазеете? Спектакль для вас, што ли?

— Глядите! Еще один совдеповец сыскался!

Ной лезет дальше, разворачивая толпу, отпихивает кого-то, и лицом к лицу — Дунечка! Сцепились глазами и смотрят друг на друга, будто узел гатчинский затягивают туже, чтоб не развязался.

— Экая! Чего тут толкаешься?

— Остался! Ну, вот! Я так и думала, когда вещи твои увидела внизу. Ох, как же на меня комиссарша глянула, будто двумя пулями прошила. Сейчас пойдешь по адресу на Гостиную улицу? Тебе надо с кем-то из офицеров встретиться.

— Повременю покуда! А ты — укороти язык, не болтай лишку. Чтоб никто не знал, что я в городе.

— Будешь ждать совдеповцев? Думаешь, они вернутся пароходами с севера? Жди!

— Молчи, говорю.

— Ты таким не был в Гатчине и у Курбатова в Яновой!

— Да и ты в Челябинск еще не таскалась с офицерами.

— Вот еще, прокурор мне! — вздулась Дуня и приоткрыла рот на некоторое время.

Рядом два чиновника в буржуйских котелках громко обсуждали недавние события. Один из них восхищался, как белочехи «жаманули красных под Мариинском: с захода в тыл, и — в пух-прах!» А второй с умилением рассказывал про разгром красных на Ключевском фронте: «Эшелоны перехватили да под откос. А тут орлы Дальчевского с шашками и пулеметчики так здорово поработали — мало кто выскочил из красных живым».

Сейчас бы ковшик холодной воды — охолонуться...

Ной тяжело вздохнул, почувствовал себя разбитым и слабым. Вот как за миллионы ощерились буржуи со своими сотрапезниками!..

— Гляди! — толкнула Дуня. — Пророка Моисея поймали.

— Какой еще пророк?

— Да вон ведут связанного. Если бы ты знал, какой это зверь! С атаманом Сотниковым шел на Минусинск и казнил совдеповцев. Топором в лоб убивал.

Кто-то из толпы ввернул:

— Втюрился пророк! Где его, интересно, схватили?

Трое красногвардейцев с винтовками, ведущие пророка, кричат в толпу:

— Разойдитесь, товарищи!

— Гра-ажда-ане! Дубины берите! Винтовки! — трубно загорланил пророк, пытаясь вырваться от красногвардейцев. — Ча-аво ждете, чудь заморская!.. Золото увозят большаки!.. Хва-атайте их, хва-атайте! Отбейте